

НА ПУТИ К ИСЛАМСКОЙ РЕФОРМАЦИИ

Реформа ислама по Мохамеду Тахе и Ахмеду Ан-Наиму

Книга Абдуллахи Ахмеда Ан-Наима, суданского учёного, в настоящее время проживающего в эмиграции в США, ученика казнённого в Судане режимом Нимейри в 1985 г. религиозного мыслителя и общественного деятеля Махмуда Мохамеда Тахи, посвящена проблеме соотношения ислама и современных принципов прав человека, демократии и международного права. А. Ан-Наим — глубоко верующий мусульманин, стремящийся к возрождению ислама и стран мусульманского мира, и в то же время — человек, безоговорочно разделяющий базовые принципы современной демократии и прав человека, во многом недвусмысленно противоречащие мусульманскому религиозному закону, шариату, данному людям, как верят мусульмане, самим Богом через пророка Мухаммада. Задача его книги — найти путь к разрешению этого противоречия.

В данном послесловии я не хочу доказывать важность и актуальность темы данной книги — в наше время и в нашей стране, где мусульманские народы составляют около 20% населения и на части территории которой (во всяком случае, на территории, формально ещё считающейся её составной частью — в Чечне), шариат уже вводится в действие. Доказывать это значило бы ломиться в открытую дверь. Естественно, я не буду и пересказывать исследование А.Ан-Наима. Цель послесловия — несколько приблизить проблематику этой книги к российскому читателю, вставив её в более широкий контекст и осветив, по возможности, ряд вопросов, оставшихся за пределами работы А.Ан-Наима.

1

Понять своеобразие любой религии можно, лишь сравнивая её с другими. Поэтому, чтобы понять, почему в мусульманском мире так остро стоит проблема соотношения религиозного закона и прав человека и какое место занимает этот закон (шариат) в системе ислама, мы попытаемся в какой-то мере сравнить ислам и христианство.

Ислам — религия, значительно более близкая к христианству, чем, например, буддизм или индуизм, вышедшая, как и христианство, из общего древнего «авраамического» корня, в какой-то мере испытывавшая при своём зарождении влияние христианства и разделяющая с ним ряд базовых представлений.

Как и христианство, ислам — религия единого Бога, сотворившего мир и человека, понимаемого как Божественная Личность, с которой человек может вступить в личные отношения (любить, бояться, молить, быть избранным им, получить от него откровение и т.д.).

Как и христианство, ислам верит, что Бог открывался избранным им людям (пророкам) пока, наконец, не пришло полное и окончательное откровение основателю религии, в исламе — пророку Мухаммеду, в христианстве — Иисусу Христу, вернее, в Иисусе Христе.

Как и христианство, ислам верит в загробное воздаяние, конец света, воскресение мёртвых и Страшный Суд, которым будут предшествовать сначала — временная победа сил зла (Антихриста и ад-Дадджала), затем — окончательная победа над этими силами зла, в христианстве связываемая со вторым пришествием Христа, в исламе — с тем же Иисусом — Исой, который признаётся мусульманами не только великим пророком, но и человеком, взятым Богом живым на небо, и другим посланником Бога — ал-Махди.

Но эта общая «сюжетная канва» в двух мировых религиях преломляется совершенно по-разному. Самые главные различия — это отличия в личности, деятельности и содержании откровения основателей этих религий, пронизывающие все элементы возникших из этих откровений религиозных систем.

Иисус проповедывал в находившейся в зависимости от Римской империи Иудеи и иудеям, имевшим уже очень разработанный религиозный закон. Содержание проповеди Иисуса, от которого в евангелиях сохранилось лишь относительно немного слов, подвергавшихся затем всем мыслимым толкованиям, скорее всего, навсегда останется во многом неясным. Однако, очевидно, что хотя в ней не было прямого отрицания иудейского закона, в ней содержался сильнейший протест против чисто формального следования ему и противопоставление этому формализму и вообще земным, социальным ценностям — формальной и показной праведности фарисеев, учёности и мудрости книжников, месту в социальной иерархии единственного, что имеет ценность перед Богом — любви к Богу и людям.

Но содержание проповеди Иисуса как бы отступает на задний план перед его деянием — смертью на кресте и возникшей затем у его учеников убеждённости в его воскресении и вознесении на небо, ставшими основным содержанием христианской веры и христианской рефлексии.

Просто погибший проповедник, оставивший после себя только горстку учеников и даже не оставивший, в отличие от Мухаммеда, никакого развёрнутого текста, не мог бы возбудить веры в то, что через него говорил Бог. Поэтому вера в Иисуса могла быть только верой в его Воскресение, в то, что его гибель и была его победой, что в ней заключён особый, великий и таинственный смысл, наконец, что он сам был не просто человек, а кто-то больше — Бог, Сын Божий, посланный Отцом на страдания и смерть для искупления грехов человечества. Отныне верующий в Иисуса Христа может попасть в рай и оправдаться на Страшном Суде и эта вера, как понял апостол Павел, освобождает от необходимости вообще соблюдать иудейский закон, что и позволило христианству выйти за пределы иудейской общины и в конечном счёте стать мировой религией. При этом христиане, естественно, признавали законы Римской империи, в которой они жили (как этому учил и сам Иисус — «отдайте кесарево Кесарю»), но — как нечто внешнее и их веры не затрагивающее (эта вера, если так можно сказать — «о другом», «в другое», «Царствие моё — не от мира сего»).

Совершенно иными были личность и судьба основателя ислама, известные нам намного больше, чем личность и судьба Иисуса. Его деятельность разворачивается не в обществе с уже детально разработанным и жёстким законодательством (иудейским религиозным и римским имперским), а среди враждующих друг с другом и не имевших формализованного письменного закона и государственной организации арабских племён. Вначале пророк проповедывал в Мекке своему родному племени курейш, где проповедь его так же не имела большого успеха, как проповедь Иисуса в его родном Назарете. Но затем он переселился со своими сподвижниками в Медину, где смог создать, или, вернее, положить начало созданию государства, объединившего уже при его жизни арабские племена, а после его смерти завоевавшего колоссальные территории и ставшего великой мировой империей — Арабским халифатом.

Если в христианстве трагическая судьба Иисуса Христа неразрывно связана с приданием ему максимально высокого «религиозного статуса» (Сын Божий, Бог), то в исламе, напротив, очевидный успех Мухаммеда связан с его значительно более низким религиозным статусом. В то, что Мухаммедом руководит и через него говорит Бог, поверить было относительно не трудно, ибо его успехи как бы доказывали это «эмпирически». Но с другой стороны, они же делали излишним и просто невозможным (создание протогосударства — всё-таки слишком мало для Бога) придание ему божественного статуса. Мухаммед мыслил себя сам и мыслился своими последователями лишь человеком, но человеком «образцовым» и избранным Богом стать его последним на земле пророком, «печатью пророков», через которого передаётся «окончательное» откровение Бога — Коран.

Таким образом, в исламе в основе — не вера в таинственное деяние (смерть и воскресение) основателя-Бога, а вера в текст, переданный Богом через человека (и чётко отделявшийся от того, что этот человек, пророк, говорил «от себя»), который стал одновременно и основателем новой великой религии и основателем нового великого государства.

Коран открывался Богом Мухаммеду постепенно, «от случая к случаю», начиная с 610 г. до смерти пророка в 632 г. М.Таха и А. Ан-Наим придают особое значение различию содержания частей Корана, возникших в Мекке, когда проповедь Пророка была отвергнута большинством его соплеменников, и мединских, возникших, когда пророк уже встал во главе воюющего и подчиняющего арабские племена протогосударственного образования. Мекканское откровение — это прежде всего выраженное в высоко поэтической форме откровение единобожия, этических норм, соблюдения которых Бог требует от людей (значительное место в нём занимает осуждение жадных богачей — «Горе всякому хулителю, поносителю, который собрал богатство и сосчитал его! Полагает он, что богатство делает его вечным. Так нет же! Будет он ввергнут в сокрушилище» — сура 65), загробного воздаяния и Страшного Суда, которое не противопоставлялось пророком вере других монотеистических религий — христианства и иудаизма. Содержание мединского откровения — иное. В нём содержится множество иногда относительно детальных законов, регулирующих жизнь новообразованного протогосударства — о наследовании имущества, о судопроизводстве, о наказаниях за различные преступления, о разделе военной добычи и т.д. Эти законы, бывшие ответом на конкретные ситуации, возникавшие в ходе создания из арабских племён седьмого века единого государства, войдя непосредственно в священную книгу, содержащую полное и окончательное откровение Бога, считавшуюся даже вечной и несотворённой (Мухаммаду она была только открыта), приобрели в исламе статус священных и вневременных.

Иногда между ранними и поздними частями Корана существует прямое противоречие. Так, в мекканском откровении говорится, что в вопросах веры не может быть принуждения, в мединских же пророк призывает к войне с язычниками, в мекканском нет возникшего позже жёсткого противопоставления ислама другим

монотеистическим религиям — христианству и иудаизму. Мусульманские интерпретаторы полагают, что в этих случаях более поздние стихи отменяют значение более ранних.

2

Любая религия после смерти основателя вступает на путь догматизации и формализации. Пока основатель жив, нет особой потребности фиксировать передаваемую им истину — всегда можно спросить его и получить ответ. Но когда он умер, задачей верующих становится сохранить и сберечь его учение, а это значит — чётко его определить и создать организацию, обладающую идейной дисциплиной и способную оберегать его от искажений. Процессы формализации в христианстве и исламе идут схожим образом, поскольку здесь действуют общечеловеческие закономерности веры, и в то же время — различны, поскольку различно содержание этой веры.

Прежде всего и в христианстве и в исламе происходит фиксация самого откровения. В христианстве это Новый Завет — четыре канонических евангелия, отобранных церковью из множества евангелий — текстов, содержащих рассказы о жизни, смерти и воскресении Христа и запомнившиеся людям его слова, а также ряд текстов, написанных его учениками. Признанные каноническими, эти тексты «переходят в вечность» и приобретают сакральный и догматический характер. Каждое слово в них — истина и к ним нельзя ничего прибавить и от них нельзя ничего отнять.

В исламе вскоре после смерти пророка производится запись Корана, который некоторые верующие знали наизусть (частично записи откровения, очевидно, производились ещё при жизни пророка, но не им самим, а его учениками). При этом также из ряда версий, несколько отличавшихся друг от друга, отбирается и признаётся канонической одна. Позже текст Корана становится ещё более фиксированным и определённым за счёт придания ему ранее отсутствовавших огласовок и фиксации способа чтения Корана. Затем происходит запись устных рассказов (хадисов) о делах и словах (сунне) пророка. Мусульманские учёные собирают их, оценивают по степени достоверности и объединяют признанные достоверными в сборники. Сунна пророка, включающая множество его государственных действий и распоряжений, становится вторым, дополнительным догматическим источником истины.

Но тексты священных писаний это, в некотором роде, лишь «материал» для построения догматического религиозного учения. В них неизбежно есть масса «тёмных» и противоречащих друг другу мест, которые могли пониматься совершенно по-разному. Между тем вера не допускает мысли, что в божественном откровении могут быть противоречия и что его можно интерпретировать как угодно. Поэтому на основе писания должна быть создана стройная и внутренне не противоречивая догматическая система вероучения, соединённая с писанием его однозначной интерпретацией. Как и фиксация писания, этот процесс, вытекающий из самой природы веры, происходит и в христианстве и в исламе. Но разное содержание откровения порождает разные модификации этого процесса.

В христианстве разрабатываются прежде всего вопросы, связанные с основным содержанием веры — личностью и деянием Иисуса Христа. Признание того, что е. только один Бог, но Иисус также — Бог и Сын Божий и одновременно — человек и т.д., требовало какого-то логического осмысления и именно на это осмысление прежде всего и была направлена христианская мысль. Последовательно поднимались теологические догматические проблемы, каждая из которых порождала серию альтернативных решений, из которых церковь одно принимала как единственно верное, а все другие объявляла еретическими. Постепенно создаётся сложная и стройная «закрытая» система догматики. Схожие процессы формализации идут и в сфере культа, который также приобретает разработанную и «закрытую» форму.

Естественно, что все эти процессы могли совершаться лишь параллельно и взаимосвязанно со становлением иерархической и также строго формализованной религиозной организации, обладающей жёсткой идейной дисциплиной. С самого начала из массы верующих выделяются священники, люди, получившие посредством рукоположения особую благодать, передаваемую от апостолов и в конечном счёте — от самого Христа. Только они имеют право отправлять культ, только ими совершенные таинства есть таинства и только они могут определять, что е. истина. Постепенно образуется сложная и разработанная иерархия священства — пресвитеры, епископы, митрополиты, патриархи. Важнейшие вопросы вероучения и церковной жизни решаются вселенскими соборами епископов, которые не могут ошибаться, поскольку их направляет Святой Дух. В западной церкви постепенно возникает вера в то, что один из патриархов — римский — глава всей церкви и его решения в вопросах веры — окончательные.

Но хотя доктрина, культ и организация церкви фиксируются, приобретают догматическую однозначность и «окостеневают», фиксации и догматизации других сфер жизни в христианстве, изначально не содержащем никаких предписаний, относящихся к государственной сфере, не происходит. Даже став господствующей,

государственной религией, церковь не сливается с государством и сохраняется противостояние и противостояние надмирной церкви и её вечного, не меняющегося со временем (любое развитие мыслится догматическим сознанием не развитием, а уяснением изначально данного) строя и учения и временных и несовершенных человеческих государственных законов. Эта надмирная церковь могла господствовать и в сложно организованном обществе Римской империи и в варварских королевствах с их саксонскими, русскими и прочими «правдами», а затем в существовавших в христианском мире государствах с самыми разными политическими и социальными системами. А это означало, что громадная сфера общественной и государственной жизни остаётся не регламентированной и не закреплённой догматически, а следовательно — свободной для человеческого творчества и самоорганизации общества.

Совершенно иначе идёт процесс догматизации в исламе. Он идёт не в общине, то терпимой, то гонимой, но первые и решающие три века своего существования живущей и действующей в чуждом ей и «безразличном» ей государстве, а в победоносной общине, изначально, ещё под предводительством своего основателя, создавшей основы государства, общине-государстве, и идёт на основании писания, создававшегося в значительной мере для управления этой общиной-государством и, следовательно, регулирующего ту сферу, которая в христианстве остаётся «светской».

В христианстве шли споры о том, как сочетать веру в единого Бога с тем, что Иисус Христос — Бог и как в Иисусе Христе сочетались божественная и человеческая природа, и разрешаются они на вселенских соборах епископов. В исламе первые споры и первые и самые глубокие расколы — это споры и расколы по вопросу о том, кто может быть халифом (заместителем), преемником пророка в качестве главы верующих и главы государства (важнейшая проблема государственного устройства, оставшаяся без однозначного ответа в Коране и Сунне) — только прямые потомки пророка от его единственной дочери Фатимы и её мужа Али, как считало шиитское меньшинство, или любой правоверный мусульманин, признанный общиной верующих (уммой).

Вопрос о верховной власти — центральный вопрос, но далее и параллельно с ним возникают многочисленные проблемы государственного управления. Создание громадной империи халифата, затем распавшейся на множество мусульманских государств, естественно, ставило перед халифами и другими мусульманскими властителями и их чиновниками массу вопросов, связанных с управлением и судопроизводством, имевших в исламе совершенно иное, значительно более «сакральное», чем в христианстве, значение. Как верующие мусульмане, они, естественно, обращались за ответами к Корану и Сунне. Но в них много неясного. Чтобы понять, как применить Коран и Сунну к новым проблемам, найти в них однозначные ответы, нужна была напряжённая работа. И мусульманские учёные-правоведы постепенно на основе отдельных указаний первоисточников разрабатывают целостную систему (вернее, не систему, а ряд систем — мазхабов) религиозного законодательства — шариата.

Процесс догматизации неразрывно связан с созданием религиозной организации, способной определять, какие ответы на возникающие вопросы являются истинными, и обладающей силой для подавления ересей. В христианстве это — церковь. Есть ли какой-то функциональный эквивалент церкви в исламе?

Естественно, в исламе также возникают в процессе нормального разделения труда религиозные профессионалы. Но роль их значительно более скромная, чем роль христианских священников. Мухаммед, который был лишь человеком, не мог передать им какой-то особой мистической силы. Они — такие же люди, как и все, и у них нет никаких идейных оснований для создания своей противостоящей обществу организации. Но если, таким образом, религиозно-профессиональная сфера в исламе — более «светская», чем в христианстве, то сфера государственная и общественная — более «сакральная». Ведь государство и общество созданы самим пророком под руководством Бога и их законы даны самим Богом в священной книге откровения. Управление таким государством, его жизнь — не чисто «светские» дела, как не чисто «светскими» делами являются и такие повседневные занятия верующих, как торговля, найм на работу, составление завещаний, ведение войн и т.д., то есть всё то, относительно чего можно найти прямые или косвенные, выводимые логическим путём, указания в Коране и Сунне. И если в христианстве носителем истины является особая иерархическая организация — церковь, то в исламе — совокупность верующих, умма. Считается, что если по какому-то вопросу существует или возникает согласие верующих (иджма), то это и есть истина, умма в целом, как сказал пророк, заблуждаться не может. Поэтому и процесс догматизации, последовательного и однозначного решения спорных проблем, возникающих в ходе рефлексии над священными текстами, здесь шёл не в особой церковной сфере, а в самих государстве и обществе, которые сами до некоторой степени были «церковью».

Поэтому первый великий спор — о халифате — был одновременен гражданской войне, где борьба за власть сочеталась с борьбой за правильное толкование Корана и Сунны пророка. Но в целом споры в исламе развивались более «мягко», чем в христианстве. Христианская церковная организация могла не очень-то

заботиться о таких проблемах, как спокойствие и процветание государств — общественная и государственная сфера — не её сфера. Зато чисто доктринальные вопросы для жившей особыми интересами иерархии (в восточной церкви высшее, а в западной всё духовенство было безбрачно, что несомненно, способствовало сосредоточению на проблемах и интересах своей организации и «профессии») имели самое жизненное значение. Поэтому борьба за определение догматической истины шла здесь бескомпромиссно. Правильная вера, от которой зависит вечное спасение и церковная карьера, для церкви во много раз важнее всех государственных проблем. Но в мусульманском мире такой особой, выделенной из общества и живущей прежде всего своими интересами церковной организации не было.

Религиозные профессионалы здесь значительно больше вовлечены в жизнь общества. И они не могут полностью узурпировать право на решение религиозных вопросов — они такие же люди, как и все. Здесь спорные вопросы решаются самим обществом и государством, которые живут не только догматическими интересами. Но эти жизненные, не чисто доктринальные интересы имеют религиозное значение, религиозный аспект. Ведь общество и государство созданы самим пророком по указаниям Бога и спокойствие, единство и сила этих общества и государства имеют непосредственно религиозную ценность. Поэтому правители стремятся избежать «лишних» споров и напряжений, будоражащих правоверных и, если догматические разногласия не приводят непосредственно к борьбе за власть и дезинтеграции общества, относятся к ним более или менее спокойно. Тем более, что примером им служит сам пророк, терпимо относившийся к заблуждающимся иудеям и христианам. Но если уж терпимость к иудеям и христианам непосредственно предписана Кораном и сунной, то тем более можно терпимо относиться к некоторым различиям во взглядах правоверных. Тех же шиитов, когда они перестали оспаривать власть с оружием в руках и признали власть халифов, оговаривая, что предводителями верующих они считают не их, а своих имамов, потомков Фатимы и Али, оставили в покое. И разные правовые школы, возникшие в ходе создания шариата, также были признаны одинаково допустимыми и правоверными.

Но если в исламе не было такой ожесточённой борьбы за догматически определённую истину и таких размеров преследований еретиков, как в христианстве, то значительно большее значение здесь приобретает борьба со всем, что может дезинтегрировать общество, нарушить его спокойствие и плавное течение жизни. Самое страшное в христианстве — ересь, отклонение от единственно верного учения церкви, и еретиков церковь в средневековой Европе посылает на костёр. В исламе самое страшное — не отклонение от однозначно определённой истины (в шариате далеко не всё однозначно определено, все мазхабы — равнозначны и равноправны), а «бида», «нововведение», будоражащее общество и нарушающее его согласие. Поэтому иудеи и христиане могут спокойно жить в мусульманском обществе, но пропаганда иудаизма и христианства среди мусульман, переход из ислама в другую веру карается смертью. Можно придерживаться разных мазхабов, но после того, как сложились и «окостенели» мазхабы, стало считаться, что новые мазхабы создавать уже нельзя, более того, нельзя и прибавлять что-то новое к существующим мазхабам, «врата» самостоятельного суждения, «иджтихада», закрылись (здесь, на наш взгляд, есть аналогия с идеей восточной, православной церкви, о том, что после семи вселенских соборов и разрыва с Римской церковью новые соборы и новые догматические определения уже не возможны). Не имея особой организации, устанавливающей истину, ислам спасается от дезинтеграции борьбой с нововведениями. И борьбу также ведёт не особая организация — церковь и, как в средневековой Европе, церковная инквизиция, а государство и всё общество, пресекающее попытки нарушить его спокойствие и согласие.